

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В ТОМСКЕ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ 14-ТОМНИК «ОДНА СЕМЬЯ. БИБЛИОТЕКА НАРОДОВ СИБИРИ»

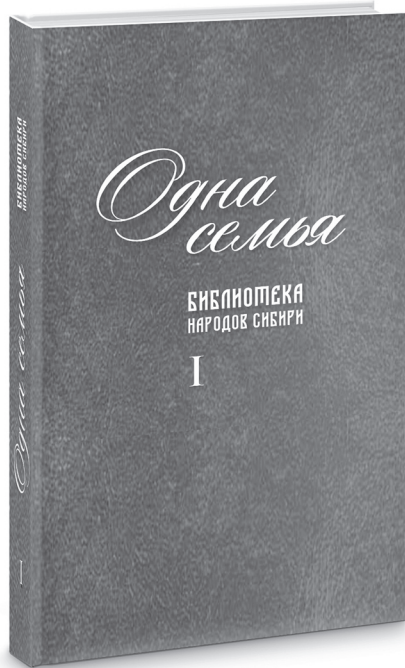
Итак, литературная классика коренных сибиряков. Новая тема или старая? Самое узкое понимание термина «сибирский текст» – творчество аборигенов. Его-то и хочется назвать собственно сибирской литературой. Если под оригинальностью понимать не тематику или экзотику, а картину мира, то придётся согласиться: сибирской литературы, как ее понимали областники, до недавнего времени не было. Как и в областнической критике XIX века, прорывается призыв создать заново сибирского писателя и сибирскую словесность.

Возрождение предсказал полтора века назад Г.Н. Потанин, наш «сибирский дедушка»: «У иных, более крупных, инородческих племён, может быть, явятся свои поэты, у других, мелких, письменность остановится на послужах материальным потребностям; но пусть прошибают эти ростки мороз и иней истории, а не мы со своей политической». Столичные мальтузианцы твердили: железный закон истории против них, и вам его не изменить. Это «арийское высокомерие» оправдывало безразличие к запаснику аборигенных преданий. Но восстановление исторической правды – задача более простая в сравнении с возрождением национального образа мира. Воскрешение национального духа... Но ведь нет уже той природной среды. И главное – насколько народ вышел из умственной спячки?

Мотив возвращения блудного сына различим в наиболее интересных произведениях аборигенов: «Когда киты уходят» чукчи Юрия Рытхэу, «Ложный гон» нивха Владимира Санги, «Амур широкий» нанайца Григория Ходжера, «Синий ветер каслания» манси Ювана Шесталова, «Ханты, или Звезда Утренней зари» Еремея Айпина. В образах мифов открылась безусловная правда, мудрость шаманов поставлена выше книжной. Все приметы кочевого или охотничьего быта предстали в ореоле элегии.

Областники разделили понятия: литература в Сибири и собственно сибирская литература – взгляд на историю не с Запада, а из северной Азии. Тут видно глухое неприятие теории линейного прогресса. Лев Гумилёв истолковал это по-своему: «По приказу – этноса, явления природы не создашь»; «Все теории культурного прогресса не могли бы существовать, если бы не игнорировали феноменов вырождения, ослабления и вымирания целых народов и распада их цивилизаций». Но в жизни любого народа, отлученного от истоков, рано или поздно начинается «почвенническое» движение. Г.Н. Потанин предостерегал: оригинальная сибирская литература не сложится, если не будет востребовано наследие «инородцев». Что и подтвердилось.

Заметим, сибирские аборигены всерьёз не были враждебны большевизму, но расходятся с ним в ощущении жизни. Некоторые, впрочем, недоумевают: почему русские дважды в двадцатом веке проявили безразличие к своей судьбе? Слетели с катушек, стали выкорчёвывать свою культуру, а теперь учат, как строить Сибирь. И что здесь происходит? То же, что везде и всюду. А Сибирь, она же ни с чем не сравнима. У русских два мифа о Сибири: земля с несметными богатствами и - гибельный край. С недавних пор в широкий оборот вошло слово «фронтир», на прокат

взятое из-за океана: отодвигаемая дикость. Там пришельцы отодвинули дикость в небытие (уничтожили аборигенов) и самих себя назвали американцами.

Национальный образ мира – серьёзнейшая проблема. Он, образ, складывается в молодости народа, а на мемориальной стадии возможна лишь игра с ним, более или менее осознанная. Это бесконечная дискуссия: потомки и узнают, и не признают своё своим. Киргизские критики называли прозу Ч. Айтматова калькой с русской, героев его – не киргизами, а метисами. Зато их приняли на Западе. То же было и с творчеством Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова, Д. Каинчина: не принимают дома, хвалят «за бугром». Русскоязычная проза советской Сибири – вполне очевидный псевдоморфоз. А что сказать о новой, постсоветской?

Восстановление коренных культур – дело чистое и благородное с любой точки зрения. Но это же последний вздох романтизма. Хотя романтизм – «любовь к дальнему», а тут... речь идёт ведь не об идеале – о норме жизни. Это проблема масштабная, речь о мировом контексте. Была внезапная вспышка латиноамериканских литератур. И так же внезапно угасла. Эта лебединая песня не может быть долгой. Наверно, на одно-два поколения. Такой ответ даёт и Анна Неркаги. Паровой каток глобализма не оставляет места для упований. «Пора домой» – это куда, на таёжные тропы, к переколёвкам? Да, мистерия северной Азии противостоит европейскому миру. Но...

Есть опасение, что эта элегия даст лишь псевдоморфозы (Вспомним О. Шпенглера: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чуждая культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – её родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания»). Сибирские народы не назовёшь юношами, это старики, прошедшие все возрастные стадии, но сути это не меняет. Старая, хотя и вернуться к былым ритмам жизни. Испытали когда-то «подъём пассионарности» и вот превратились в реликты.

Если областники писали о бедственном положении аборигенов, их вымирании и вырождении их культуры, то советские публицисты всё это отнесли в «проклятое прошлое». В. Распутин осмыслил XX век как цепь убийственных экспериментов над природой и народом: «Кверху корнями только сажа в трубе растёт». В конце века из романтической любви к дальнему сибирская мысль превратилась в «трезвый охранительный» антимодернизм. Сознание это надо назвать посттравматичным.

В советскую эпоху была явлена убийственная доктрина: ускоренное развитие бесписьменных литератур. Аккультурацию выдавали за прогрессивный скачок. И для-ради ускорения столичные литераторы заговорили голосами инородцев. Можно ли нынче восторгаться тем, что о жизни чукчей написали В. Богораз-Тан («Воскрешёе племья») и Тихон Сёмущкин («Алитет уходит в горы»), о нивхах Геннадий Гор («Ланжеро»), Рувим Фраерман («Васька-гиляк»), Трофим Борисов («Сын орла»), об эвенках Михаил Ошаров («Большой аргиш»), об алтайцах Афанасий Коптелов («Великое кочевье»)? «Алитет уходит в горы» – это радость маргиналов по поводу изгнания старейшин, а с ними и родовых обычаев.

Вот пример: «Как пришли мы с отрядом, сейчас же сход ихний сошвали. – Ну что, товарищи тунгусы, – сказал Холкин, – перво-наперво про революцию слышали, про красных знаете? Стали потом о разном разговаривать. Муки-то, оказывается, тунгусы в глаза не видывали» (Р. Фраерман). Коммунизм раньше хлеба и «ура» гражданской войне в родовом обществе охотников – это скверный анекдот. Реальность же того времени – обвалы на шаманов; газеты с пафосом рапортовали о разрушении культовых мест в тайге, об арестах местной элиты. Как русские советские писатели героизировали «окаянные дни», так и русскоязычные «мастера» прославляли исчезновение очередного этноса. «Нам его из каменного века надо перетачить в наш, комсомольский», – говорят о нивхе (палеоазиат) герои повести Г. Гора. Марксистско-ленинская химера прокатилась по всем национальным культурам, выявив в них разную меру сопротивляемости. А древние-то народы как раз наименее жизнестойки при столкновении с машиной. Если нет уж той земли, то и возврат домой – лирическая утопия.

Полный текст статьи А. Казаркина читайте в 4-м номере журнала «Начало века».

АУДИОКНИГИ ТОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

представлены и подарены областному и городскому отделениям Всероссийского общества слепых

У ПРИРОДЫ ВСЁ БЕЗ СУЕТЫ

Надежда Почуева родилась в 1962 году в Башкирии. Окончила среднюю школу рабочей молодёжи. Инвалид с детства по зрению. Работала в учебно-производственном предприятии Всероссийского общества слепых в г. Стерлитамаке. С 1981 года проживает в г. Стрежевом. Замужем, взрослый сын. «Почётный ветеран ВОС», награждена знаком «За заслуги перед Всероссийским обществом слепых». Пишет и читает по системе Л. Брайля. Лауреат премии мэра г. Стрежевого в номинации «Преодоление». Автор сборников стихов «Я размышляю о судьбе» (2012 г.) и «Смотрю глазами сердца» (2018). Неоднократный лауреат городских и областных литературных конкурсов и конкурсов чтецов. Стихи Н. Почуевой печатались в литературно-художественном альманахе «Стрежевой», а также в поэтических сборниках: «Веди меня, надежда» (2013 г.), «Я иногда пишу стихи» (2015 г.), «Пока горит свеча» (2017 г.), в журнале «Мы вместе», издаваемых областной библиотекой им. А.С. Пушкина, и в др. периодических изданиях.

Родные края

Башкирия чудная, Южный Урал,
Край гор и лесов мне Родиной стал.
В деревне Завидовка я рождена.
На зорьке вечерней жизнь мне дана:
Не в доме родильном, а в доме родном.
Трава-мурава там росла под окном.
Бабуля моя повитухой была:
Она в свои руки меня приняла.

Мне лет уж немало, но я не стара...
Поклон моей маме за жизнь, что дала.
В сезон сенокоса меня родила
В цветущем июле. Стояла жара.
А имя Надежда мне папа мой дал.
Надеждой Петровна дочку называл.
Там тополь могучий листвою шелестел.
Воробушек-кроха там песню мне пел.

Да, врезались в память ковры ковыля,
Душистая ягода, трель соловья,
Подсолнухов жёлтых, пшеницы поля.
Волнует мне сердце «большая» земля.
В озёрах кувшинки, камыш там растёт,
Река Ашкадар, извиваясь, течёт.
Дубы там растут, желудями стуча.
Там многое есть... Но нет там меня.

Живу. Я живу, слава Богу, на свете!
Теперь мне на севере солнышко светит.
Здесь стали родными мне белые ночи,
Тайга и болота, мошка... И всё прочее!
Стал дорог, любим город мой Стрежевой,
К нему прикипела я всею душой.
Семья моя тут. И я знаю одно:
с полями край, север — мне каждый родной!

Жертвенная свеча

Фитиль свечи огнём объят —
Спасенья нет. Не бьют в набат.
Свечу нарочно ведь зажгли —
Ценнее жертвы не нашли.

Свеча в огне. Ей всяк — палач.
Горит фитиль. Свеча, не плачь!
Горячий воск, стекая вниз,
Слезой застывшею повис...

Есть законы

У природы всё без суеты.
Тает снег. Весной цветут сады.
Соловьи поют в июне и дрозды.
Созревают к осени плоды.

После листопада снег идёт.
Есть законы, правила, черёд.
Совершают гуси перелёт
С севера на юг зимы вперёд.

Люди нарушают всё подряд.
Нет гармонии, царит разлад.
Слёзы на глазах, а в горле ком.
В хаосе живётся нелегко.

Сколько разных «если», «может», «вдруг»...
Верен ли ещё мне лучший друг?..
Утомлён сомнениями дух.
Не устал бы только наш Пастух.

Извечный вопрос

Всё, что было моим, что имею,
Нет, своим называть — я не смею.
Бог даёт напрокат — милосердно.
Кратка жизнь на земле; тело смертно.

Жизнь земная пройдёт... Оборвётся...
А душа? Что с душой? Вознесётся?..
Иль падёт?.. Где таится разгадка?..
Суета. В голове — нет порядка.

Увы

Душа ранима, не руби с плеча.
От слов напрасных боль, как от бича.
Обиды жгут. Губительны они,
Крадут у жизни радость. Гнев уйми.

Рубцы на сердце. В пепле голова.
Торчат гвоздями в памяти слова,
Жестокие порой. Забыть?.. Забыть...
Великодушно надо всё простить.

Подумать только — сколько жизни той?
Живём во зле. Всё делаем не то.
Бог наделил любовью всех, но мы
Предпочитаем гневаться. Увы.

Не опоздать бы

Стою пред дверью, но войти не смею.
Цепь из пороков лязгает — мне с нею
Куда... Да и не пустят силы Света
Отступницу от Божия завета.

Цепь прирастает звеньями всё больше:
Кольцо к кольцу... Доколе же?.. О, Боже!
Как разорвать её, освободиться?..
Не опоздать, до срока б измениться.

В дороге

Слава Богу за всё, слава Богу.
От рожденья по жизни дорогу
Под Покровом — Царицыным платом,
За идущего ангела рядом.

Плечи прямо несут иль согбенна —
Под защитой живу, несомненно.
Под присмотром шагаю дорогу.
Слава Богу, за всё слава Богу.

Анна КОРСУНОВА

Корсунова Анна Альбертовна родилась в Томске в 1997 году. В 2021 году закончила филологический факультет ТГУ по специальности «Литературное творчество». Пишет рассказы и сказки для детей. Была победителем многих детских и молодежных литературных конкурсов, в том числе Международного фестиваля «Устами детей говорит мир». С 2009 года занималась в литературной студии «ЮГ» Дома детского творчества «У Белого озера». Рассказы и сказки публиковались в журналах «Начало века», «Ключевое слово» (Северск), в газете «Тихая минутка» (Екатеринбург), в изданиях литературной студии «ЮГ».

ФЛЕЙТА

— Ты играешь на флейте? — обрадовалась Нина Борисовна. — Может, выступишь первого сентября?

— Да-да-да, это будет полезный опыт! Надо же заявить о своих талантах, — согласилась мама, прежде чем Настя успела открыть рот.

Дома они принялись перебирать нотные сборники в поисках чего-то простенького, но красивого.

Мама, послушав палец, просмотрела несколько страниц и отложила очередную тонкую книжку в сторону. Настя долиставала за мамой те, которые уже были отбракованы.

— О, — мама показала на «Маленькую ночную серенаду» Моцарта. — Помнишь, вы разбирали... И коротенькая, и классика. Ну-ка, гляди.

Настю всегда веселили эти чёрные головастики, которые то взлетали над нотным станом, то ныряли под него, прыгали через лиги-скалки.

— Чего там смешного увидела? — мама удивлённо посмотрела в книжку.

Она достала большой тубус, вытащила футляр, из него — чёрно-белую блок-флейту.

Под маминим присмотром Настя заиграла гамму, постепенно ускоряя ритм: до-ре-ми-фа-оль-ля-си-до-си-ля-оль... Потом начала разбираться с нотными головастиками.

Мелодия передвигалась скачками, головастики толкались и ставили друг другу подножки, так что у Насти от спешки заплетались пальцы. А когда мелодия стала медленной и тягучей, как ириска, то на неё не хватало воздуха.

Репетировали каждый день. Мама следила, чтобы Настя не отлынивала, и сама отсчитывала время на перерыв. Настя уже почти не подглядывала в сборник. Она наконец смогла дотянуться коротким мизинцем до нижнего клапана «ре», научилась распределять дыхание так, чтобы мелодия

звучала ровно, без долгих пауз. К концу недели уже играла, не смотря в ноты.

Наступило первое сентября. Мама подобрала Насте белую блузку, чёрную юбку, чёрные туфли, белые колготки. Для завершения образа завязала ей тугий хвост — настолько тугой, что голова под белым бантом сразу начала чесаться, а когда Настя поднимала брови, хвост поддёргивался на затылке.

После линейки в актовом зале собралось много народу. Все улыбались, громко разговаривали. Настя держала в руках флейту, зажимая пальцами клапаны, наигрывая слышную только ей мелодию. Перед глазами всё ещё мелькали чёрные головастики.

Краем уха она улавливала, как читают стихи, поют народные песни и стучат каблуками под современную музыку.

Вдруг в щёку ткнулась травинка. Настя вздрогнула и будто очнулась. Наклонившись, над ней стояла Нина Борисовна с букетом тюльпанов.

— Готова? Следующая ты.

Настя поднималась по ступенькам за кулисы, в такт её шагам прыгал хвост на затылке.

Мама нервно покусывала напомаженные губы.

— Ну вот, сейчас тебя объявят, и пойдёшь, — сказала она и погладила Настю по плечу.

Настя с ещё большим усердием принялась за повторение «Серенады», но пальцы плохо слушались.

Объявили её номер. Настя глубоко вдохнула и пошла на негнущихся ногах. Встала у стойки с микрофоном.

Свет софитов слепил глаза. Она зажмурилась, хвост на затылке дёрнулся. Негнущимися пальцами Настя поднесла мундштук к губам... И выдохнула.

Флейта взвизгнула на первой ноте. Щёки стали горячими, а ладони вспотели. Ей стало страшно, что флейта выскользнет из них. Незаметно для себя она так ускорила темп, что пальцы запутались и с клапана «ре» соскользнул мизинец. Пока она возвращала его на место, дыхание сбилось. Она остановилась. Хотела начать сначала, но передумала.

Зрители среагировали не сразу. Послышалось несколько неуверенных хлопков, которые постепенно собрались в гвалт аплодисментов. С последних рядов даже закричали «браво!». Кто-то встал с места и хлопал стоя. Настя растерянно моргала, дрожащими руками стискивая флейту.

Мама выбежала и торопливо увела её со сцены.

— Умничка моя... умничка... умничка...

Она гладила Настю по спине, целовала в макушку и крепко обнимала.

Они стали пробиваться сквозь толпу в цветастых нарядах. На выходе их перехватила Нина Борисовна:

— Ты молодец! Так хорошо играла на дудочке! Только перед тобой девочка в розовом была... микрофон выключила. Надо было выйти, но боялись тебя совсем сбить...

Настя постояла немного, пытаясь понять слова учительницы. Покрутила флейту в руках. И облегчённо вздохнула. По дороге домой Настя мурлыкала себе под нос какую-то весёлую мелодию, наигрывая ловкими пальцами на воображаемой флейте. На воображаемой получалось лучше, чем на настоящей.

— Ты как? — спросила мама.

— Нормально. Только голову напекло софитами так, что на ней можно было яичницу жарить! — улыбнулась Настя и стянула с головы бант.

Они рассмеялись и пошли в кафе-мороженое.